

боку, сам без оку. . .» Он рассказывает, как его «вторась у гостях шанувалы», какой он «предивный сон» видел, затем поздравляет всех с праздником пасхи: «Крестос воскрес!» Голос из-за ширм напоминает ему, что нынче не пасха, а рождество: «Брешы, як пес!» Казак приглашает одну из присутствующих на представлении девиц выйти за него замуж и обещает ей за этошить шубу «с вовкив, из лысыць, из прусакив, блошыць. . .», а затем «з горя» запеваает песню: «Да немає лучче, да немає краще, ой, як у нас на України. . .» Является еврей. Казак просит у него, «собашковой горилки». Сцена, несомненно, заимствована из вертепа, откуда в наш вариант попали не только образ казака-гуляки и эпизод с евреем, но и такая деталь, как ошибочное поздравление с праздником пасхи.¹ В четвертом действии выступают «Лыцарь» и девушка. «Лыцарь» обнимает девушку; девушка отталкивает его. «Лыцарь», в любовном отчаянии, стреляет из револьвера в девушку. Из-за ширм раздаётся известный «жестокий» романс: «Померла наша надежда и скончалася любовь. . .» Заканчивается драма А. Малинки диалогом цыгана и цыганки. Цыган спрашивает цыганку, где она «скрывалася»; цыганка сообщает, что «ходыла на трейте село сыровцю добываты»; цыган предлагает ей «нызенько» поклониться зрителям: «Паны любы, паны мылы што-ныбудь на ручку скинуть». Цыганка берет тарелку и просит у зрителей вознаграждения, а цыган по временам подгоняет ее плетью. Эта сценка пятого действия также находит себе параллель в вертепной драме, в частности в ряде ее белорусских вариантов.²

Интересные сведения о постановке «Царя Ирода» в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1889 г. сообщает М. К. Васильев.³ Здесь «Царь Ирод» ставился одновременно с «Царем Максимилианом»; сводная пьеса носила название «Трон», и, по словам М. К. Васильева, исполнялась из года в год более двенадцати лет. «Уже за несколько недель до рождественских праздников, — рассказывает М. К. Васильев, — идет в рабочих казармах Лебединского сахарного завода, в свободные от смены двенадцать часов и даже между делом на самом заводе, разучивание ролей; несколько искусников готовят в то же время из закупленной разноцветной и золотообрезной бумаги убранство для играющих: шапки, военные костюмы, напоминающие форму павловских времен, мечи и пр. Определенного места для игры нет. В первый день праздника, в час или два пополудни появляются «тронщики». Царь Максимилиан, идя впереди, заходит под ряд в квартиры служащих и испрашивает позволение на представление; если получается положительный ответ, то труппа заходит в комнаты и открывает действие. . .; кончив в одном доме, идут в следующий. «Трон» обыкновенно сопровождается «музыкой» из двух, трех музыкантов-украинцев. . . Обошедши всех «панов»,

¹ См. Е. Марковский. Український вертеп. У Києві, 1929, стр. 76—82, 88—91, 175.

² Е. Р. Романов. Белорусский сборник. VIII. Вильна, 1912, стр. 101. Ср. П. В. Шейн, «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», т. III, СПб., 1902, стр. 150—151.

³ М. К. Васильев. К истории народного театра. Этнограф. обзор., 1898, № 1, стр. 76—100.